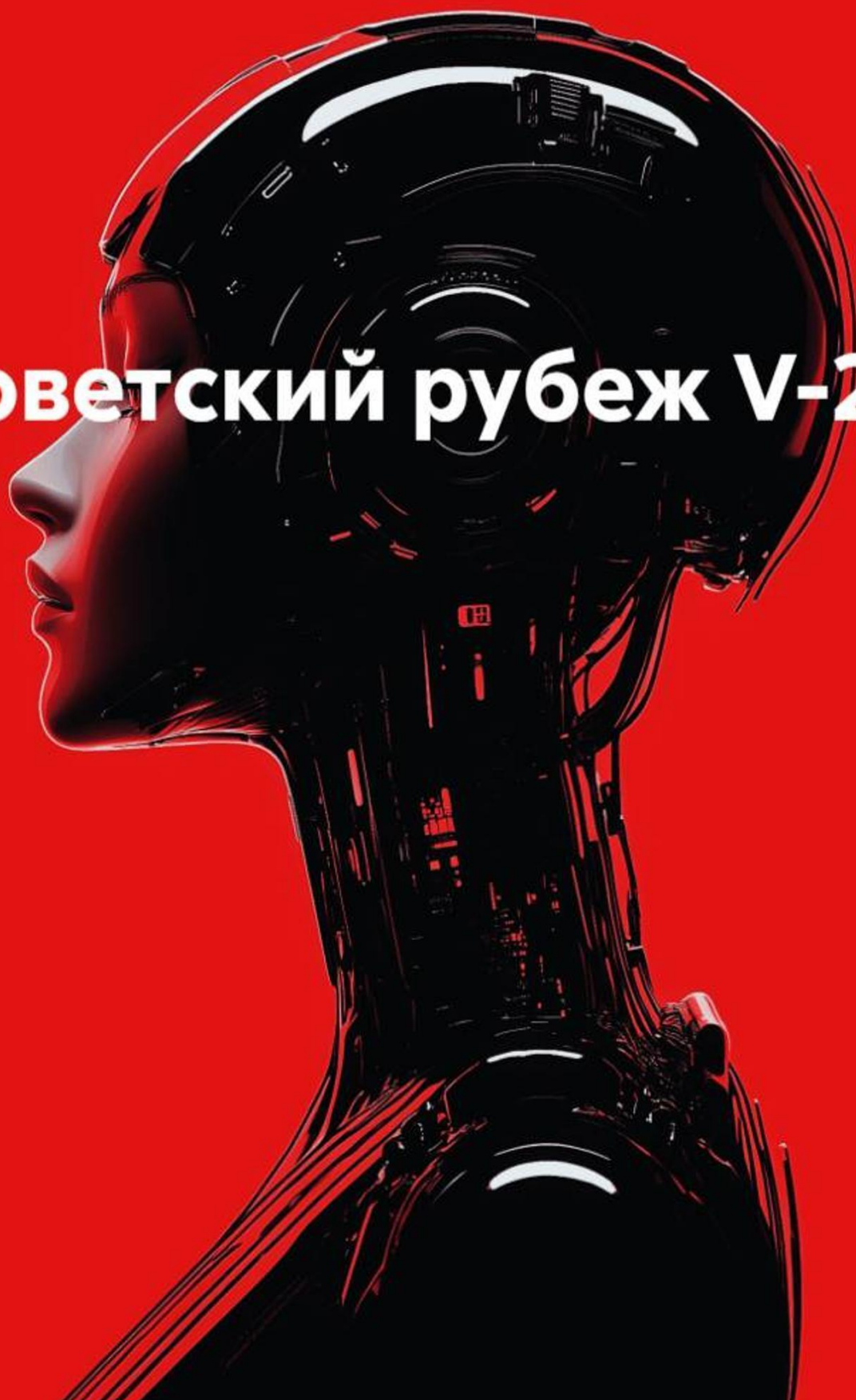

Лира Вольт

Советский рубеж V-2.0

18+

Лира Вольт

Советский рубеж V-2.0

«Автор»

2026

Вольт Л.

Советский рубеж V-2.0 / Л. Вольт — «Автор», 2026

Внимание! Перед вами принципиально новая версия романа, это не продолжение, а полная переработка истории с сохранением основного сюжета и добавлением новых сюжетных линий. Старая версия книги остаётся доступной на платформе. Великая Отечественная война. 1944 год. Псковские леса становятся ареной жестоких сражений. Советские войска готовятся к прорыву укреплённой линии «Пантера» неприступного рубежа, который немецкие войска считали непреодолимым. В центре повествования судьба неопытного командира, которому предстоит пройти путь от самоуверенности до истинного понимания цены войны. Его наставниками становятся бывалый старшина Ерофеев и загадочный Якут. Неожиданный поворот происходит, когда на поле боя появляются странные существа в немецкой форме, против которых бессильны обычные приёмы ведения боя. Роман сочетает в себе элементы военной прозы, мистики и научной фантастики, создавая уникальное повествование о мужестве, дружбе и человеческой стойкости перед лицом неизведанного.

© Вольт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16

Ли́ра Во́льт

Советский рубеж V-2.0

Глава 1

Киборг Убийца V -2.0

Книга первая Советский рубеж

Часть первая «Герои не нашего времени»

Предисловия

Семнадцатое июля 1944 года. Над псковскими лесами висел тяжёлый, сырой воздух, будто сама земля ещё помнила зимние бои и не хотела отпускать холод. Это был день, когда тишина перестала быть покоем и стала затишьем перед ударом.

Псков немцы называли «ключом к парадным дверям Ленинграда». И теперь этот ключ намертво застрял в ржавом замке линии «Пантера». Сто семьдесят пять километров укреплений по псковской земле, восемь-десять километров сплошной смерти: доты, блиндажи, зарытые в землю танки, колючая проволока, мины. Всё это было частью «Восточного вала» — огромной стены, протянувшейся от Балтики до Чёрного моря.

Командование группы армий «Север» считало рубеж неприступным. И, глядя на эти укрепления, можно было поверить: бетон и сталь действительно способны остановить любое наступление. Но за этими километрами проволоки и бетона стояли не машины. Стояли люди. И люди умеют уставать, ошибаться... и прорываться вперёд.

Четыре месяца советские части готовились к штурму. Четыре месяца разведки, ночных вылазок, карт, прочерченных карандашом по миллиметру. И вот теперь, в этот серый июльский день, 3-й Прибалтийский фронт под командованием Масленникова был готов проверить, так ли уж крепок этот «неприступный» рубеж. Казалось, воздух звенел от напряжения: ещё миг — и тишина лопнет под грохот артиллерии, а пехота пойдёт вперёд, туда, где каждый метр оплачен кровью.

Но чтобы понять, как эти люди оказались готовы шагнуть в этот грохот, надо спуститься ниже, в февраль. Туда, где война ещё не стала приказом и залпом, а была просто сыростью, усталостью и тихим, упрямым умением держаться, когда держаться почти не на что.

Глава 1 «Хороший, плохой, злой»

-Что главное в танке?
-Броня? Орудие? Ходовая часть?
-Главное в танке не обосраться!!!
(Армейская мудрость)

Расположение 1 роты, 374 стрелкового полка, вблизи города Пскова, 1944 год, 17 февраля, 02:15.

Тёплая ночь казалась насмешкой. Снег, едва касаясь земли, тут же превращался в ледяную жижу, и эта сырость забиралась всюду: под гимнастёрку, в рукава, в самые швы. Плащ-палатка липла к плечам тяжёлой коркой, и казалось, что она не греет, а вытягивает последнее тепло. Кирзовые сапоги разбухли и стали непомерно тяжёлыми; при каждом движении внутри хлопало, и этот звук раздражал сильнее любой ругани. Тулупы, передаваемые от поста к посту, давно потеряли всякий смысл: напивавшись водой, они висели мёртвым грузом, а потом и вовсе легли в угол бойниц — тяжёлые, бесформенные, похожие на тела. Кто-то пытался использовать их как настил над лужей, но толку было мало: вода всё равно просачивалась, подбираясь к ногам. Солдаты без конца переминались, стараясь хоть немного разогнать кровь. В окопе висел тихий, усталый хор: кто-то сквозь зубы проклинал всё на свете, кто-то скулил от холода, а кто-то молчал, лишь изредка вздыхая. И в этом молчании было больше правды, чем в любых словах: на войне быстро учишься не упрекать тех, кто рядом, — потому что завтра рядом может не оказаться никого.

Артём спускался в землянку, и с каждым шагом воздух становился всё гуще, всё тяжелее. Ему казалось, будто он не в штабную землянку идёт, а спускается в могилу: низкие своды давили сверху, полумрак глотал очертания, а тишина здесь была не спокойной, а настороженной, будто сама земля прислушивалась к каждому шагу.

Дойдя до входа, он замер на секунду перед низкой, почти приземистой дверью — такой, что даже ему, высокому парню, пришлось почти наполовину согнуться, чтобы протиснуться внутрь. И это движение, это вынужденное сгибание он вдруг ощутил, как унижение — словно его заставляли поклониться чему-то непонятному, чужому, чему он ещё не знал цены. Будто сама землянка проверяла: «А ты готов тут быть? Готов забыть про парадную выправку и стать таким же, как все?»

Когда он наконец переступил порог, его будто ударило стеной запахов: спёртый дух портянок и пота, прогорклый дым, едкий запах папирос, затхлость, вьёвшаяся в брёвна. Кто-то курил в углу, кто-то ел прямо с колена, а рядом, завернувшись в шинель, спал боец. Всё это совсем не походило на штабную палатку из учебников — тут жизнь шла без парадов, по своим, жёстким правилам.

Потолок был из толстых брёвен, законопаченных сухой травой; сквозь щели временами сыпались тонкие струйки песка — так отзывались далёкие взрывы, доходившие сюда глухим содроганием земли. Где-то в углу монотонно капало: талая вода пробиралась сквозь перекрытие и падала редкими, тяжёлыми каплями, отбивая свой собственный, равнодушный ритм.

Артём расправил плечи, будто хотел стряхнуть с себя это ощущение неловкости, но выправка теперь казалась здесь почти нелепой. Он оглядывался, будто искал хоть что-то знакомое, но здесь всё было «не по уставу»: доски кривые, свет тусклый, голоса приглушённые, будто даже говорить громко тут нельзя.

Он поспешил заглушить эту неловкость привычным, твёрдым тоном, как учили на курсах:

— Значит, здесь штабное расположение. Надо составить схему постов, проверить боекомплект, сверить графики дежурств. И пусть мне подготовят сводку по личному составу.

В землянке на секунду повисла тишина. Потом кто-то тихо поперхнулся от смеха, не выдержав этого строгого, по-курсантски выверенного тона. Кто-то заулыбался в рукав, пряча улыбку. А один из бойцов, сидевший у стены, закрыл лицо ладонями — не от обиды, а будто от нелепости момента: молодой лейтенант с прямой спиной и уставом как щитом посреди этой обжитой, прокопчённой окопами жизни.

Ерофеев молча поставил на сколоченный из досок ящик пару гильз — одна лежала ровно, другая косо, чуть накренившись. Потом поднял глаза на Артёма.

Старшина был на полголовы ниже лейтенанта, но такой широкий в плечах, что будто занимал больше места, чем положено. Руки у него были огромные, тяжёлые, с узловатыми

суставами и старыми шрамами; кулаки — как булжники. И вот в этих руках, в этой массивности не было суеты, только тяжесть, выстраданная годами окопов.

А в глазах Ерофеева отпечаталась смерть — не как страх, а как привычная соседка, с которой он давно живёт бок о бок. Он смотрел не мигая, спокойно, будто видел не форму и погоны, а то, что прячется под ними. От этого взгляда Артёму стало жутко: будто его насквозь просветили рентгеном и теперь знают про него всё — и про то, как он боится, и про то, как скучает по дому.

— Схему составим. Графики сверим, — спокойно сказал Ерофеев. — Только скажи мне, товарищ лейтенант, а если ночью всё пойдёт не по графику? Если связь рухнет, посты сорвутся, а к опушке подойдёт не тот противник, что в сводке? Что тогда делать будешь? По уставу?

Артём дёрнул плечом, будто отмахнулся от неприятного:

— По уставу и будем действовать. Устав потому и написан, чтобы в любой ситуации было ясно, кто и что делает.

— Устав хорош, когда всё идёт, как положено, — не повышая голоса, возразил Ерофеев. — А тут редко что идёт, как положено. Тут надо не пункты помнить, а людей знать. И понимать, где линия ломается.

Внутри у Артёма всё сжалось. Он хотел ответить резко, напомнить, кто тут начальник, но слова застряли: в голосе старшины не было ни вызова, ни насмешки — только эта пугающая уверенность, из-за которой солдаты шептались, что рядом с Ерофеевым «пуля не берёт». Они верили, что он фартовый, удачливый, и потому тянулись к нему, как к чему-то надёжному. А офицеры, наоборот, держались настороже: с таким человеком не поспоришь, его не перекричишь, он просто знает цену словам.

— Я здесь для того, чтобы порядок был, — выдавил Артём, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. — Порядок и дисциплина — это и есть то, что нас всех держит.

— Порядок держит, — не стал спорить Ерофеев. — Только порядок тут другой. Не бумажный.

Они стояли друг напротив друга: Артём с прямой спиной и уставом как щитом, Ерофеев — спокойный, будто ему всё это давно знакомо, и спорить тут не о чем. Перепалка вышла короткой, без крика, но ощутимой.

Когда они разошлись по делам, один из офицеров, стоявший у входа, тихо, почти себе под нос, бросил Артёму:

— Зачем ты с ним конфликтуешь... Ты его не знаешь.

Артём хотел было огрызнуться, но фраза повисла в воздухе, тяжёлая и простая. И впервые за весь день ему стало не столько страшно, сколько стыдно — будто он не про дисциплину говорил, а просто пытался спрятаться за строчками устава.

Артёму Овчаренскому недавно исполнилось двадцать три года. Это был его пятый день на фронте. Всё ещё казалось каким-то чужим, будто происходит не с ним. Он не успел ни по-настоящему устать, ни потерять друзей, ни привыкнуть к тому, что тишина — это не покой, а затишье перед ударом.

Он вырос в семье, которая по меркам довоенного времени считалась не просто обеспеченной — влиятельной. Мать — доктор наук, из глухой деревни, пробившаяся в науку благодаря редкой способности к точным дисциплинам. Отец — высокопоставленный чиновник, жёсткий, требовательный, намного старше матери. В их доме любовь не измерялась объятиями. Её мерилom были репетиторы, тренеры, расписание по минутам и цена учебников, которые для других семей были целым состоянием.

Детство Артёма прошло под знаком страха перед одной-единственной вещью — разочаровать отца. День был расписан до минуты: учителя, занятия, борьба, физическая подготовка. Свободного времени не существовало. А единственной настоящей угрозой был отцов-

ский ремень. Он доставался за любую мелочь: забыл форму для физкультуры, принёс на урок котёнка, отвлекся на уроке, получил замечание в дневник. Но страшнее всего было принести тройку или, не дай бог, двойку. Тогда отец багровел, хватался за ремень и орал:

— Ты знаешь, кто я?! Ты позоришь меня и нашу семью! Я выбью из тебя эту дурь! Ты у меня по струночке ходить будешь!

Артём окончил школу почти с золотой медалью — лишь две четвёрки, по химии и физике. Для любого другого это был бы повод для гордости, но для отца стало поводом замолчать и будто перестать замечать сына.

— Ты в кого уродился такой?! — только и бросил он.

Лёгкое смягчение пришло лишь тогда, когда в 1939 году Артём поступил в МГУ. Отец тогда впервые за долгое время похвалил: сухо, без лишних слов, просто пожал руку. Для Артёма это было как солнечный луч в тёмной комнате — он был счастлив до небес.

А потом пришла война. Отец всеми силами пытался уберечь сына от фронта. Но однажды Артём твёрдо сказал:

— Хватит. Я взрослый. Я иду на курсы офицеров.

Отец привычно потянулся к ремню, но Артём осадил его неожиданно спокойным и тяжёлым голосом:

— Только попробуй.

В этот раз угроза сработала. Отец отступил, но не смог оставить последнее слово за собой достойно. Лишь сбивчиво выкрикнул ругательства:

— Пошёл вон! Чтоб я тебя не видел! Сдохнешь там — так тебе и надо!

Мать хотела броситься к сыну, силилась встать, но отец грубо одёрнул её:

— Сидеть! Прибежит ещё на коленях умолять будет!

Артём равнодушно оглядел комнату, родителей и вышел, громко хлопнув дверью. В тот момент он чувствовал не горечь, а эйфорию — будто сбросил с плеч тяжёлый, ржавый панцирь. Впервые в жизни он сам принял решение, и никто не мог его отменить.

Теперь, стоя перед низкой дверью землянки и сгибаясь, чтобы войти, он вдруг снова услышал этот отцовский голос. И понял, что снова пытается соответствовать — только теперь не отцу, а уставу. Устав стал его новой струночкой, по которой он должен ходить. И от этого на душе становилось ещё горче.

Артём потянулся к выходу, привычно ожидая, что сейчас толкнёт дверь — и окажется в другом мире: в коридоре штаба, в тёплом купе поезда, хотя бы на залитом солнцем перроне. Но вместо этого его рука упёрлась в тяжёлые, прокопчённые брёвна. Он замер, будто впервые по-настоящему понял: выходить некуда. Это теперь его дом. Не тот, где его учили соответствовать и не разочаровывать, а этот сырой окоп, где тепло — редкость, а тишина — предупреждение.

— Товарищ гвардии лейтенант, — разбудил его голос старшины. — Пора на обход позиций. Просили разбудить.

Артём выпрямился, одёрнул гимнастёрку, будто хотел вернуть себе ту самую выправку, которая в землянке казалась нелепой. И шагнул в окоп.

Он шёл, проверяя посты, и брезгливо ступал новыми начищенными яловыми сапогами по лужам. Месиво из воды, земли и глины хлюпало под ногами, разъезжалось, цеплялось за голенища. После тёплой офицерской землянки всё это казалось адом.

«Как они только терпят?» — подумал он, проходя мимо поста. И тут же, будто пытаясь вернуть себе хоть каплю контроля, резко бросил часовому:

— Докладывай!

— Хорошо всё, товарищ командир. Только холодно немножко, — тихо ответил солдат.

— Это что за доклад, боец?! — Артём уже хотел добавить что-то про устав, про форму доклада, но не успел.

Старшина Ерофеев положил тяжёлую руку ему на плечо, мягко, но так, что спорить не хотелось.

— Ты не серчай. Это Якут, гордость нашего полка. Парень хороший. Парни его «орлиным глазом» зовут. Сам пришёл на войну. Столько фрицев положил — и ихние офицеры у него на счету есть. Грамоте не обучен, устава не понимает. На фрица ходит, как на зверя, — один. Так и говорит: «На охоту пошёл, на зверя, товарищ большой командир. Кого добыть надо сегодня, товарищ очень большой командир?» У него своё отношение к званиям: маленький командир, командир, большой командир, очень большой командир... Мы уж привыкли.

Ерофеев коротко рассмеялся и хлопнул Артёма по плечу. Они пошли дальше.

— Вот, скажем, надо языка добыть, — продолжил старшина, будто продолжая тот самый разговор, который Артём ещё не успел начать. — Так Якут его и добывает. Уходит на три-четыре дня. Мы уж с ним простимся мысленно: мол, не сдюжил наш Якут. А потом смотрим — вернулся. Язык, правда, не целый: обычно указательные пальцы отрежет, чтобы волю и сопротивление сломить. И ведёт, как ослика на верёвке. Снайпер он хороший — без оптики, без всяких прибуд, простым прицелом бьёт. Многие из нас ему жизнью обязаны. Разведчики всё упрасивали командира перевести его к ним, да тот на своём стоит — не отдаёт.

Артём слушал и чувствовал, как внутри всё сжимается не от страха, а от несоответствия. Вот он — этот «неправильный» солдат, который делает то, чего не напишут ни в одном уставе. И вот он сам — лейтенант, который знает все правильные слова, но не знает, как вести себя рядом с таким человеком.

Они остановились у очередного поста. Солдат поднял на них спокойные, внимательные глаза — будто видел не погоны, а то, что под ними. И чуть наклонил голову, как будто оценивал: этот новый лейтенант — он свой или чужой? И от чего-то лейтенант просто отвернулся, без вопросов и бросил старшине:

-

Дальше пошли!

— У нас в Сибири при минус тридцати не так зябко, — констатировал Иван, покосившись на лейтенанта. Тот ёжился и при каждой остановке принимал эту смешную, чисто городскую стойку: плечи вверх, руки к груди, будто хотел в себя спрятаться. — У нас зимой воздух сухой, а тут болотина, гнилые места. А вы откуда, товарищ лейтенант? — с интересом спросил Ерофеев.

— Из Москвы я... — буркнул Артём, не скрывая раздражения. Ему не хотелось ни разговоров, ни этого тягучего, промозглого холода, ни самого себя в этой роли. Он искоса глянул на старшину: крепкий, коренастый мужик с широкими плечами и короткими ногами. Настоящий медведь, твою мать. Ватник и наброшенная сверху плащ-палатка только усиливали этот образ.

— Значит, из самой столицы. Ленина, небось, видел? Иван был простым в общении, русским мужиком и тонкостей в разговоре с командиром не улавливал.

— Видел! — рявкнул Артём и тут же сам себя одёрнул. Но было поздно.

«Хватит, старшина!» — хотелось крикнуть, но слова застряли в горле. Артём был уже третьим командиром в этом взводе за три неполных месяца. Эта мысль, как заноза, сидела в нём: если и он не удержится, если он тоже сгинет, значит, он действительно ни на что не годится в этой жизни.

Как же всё-таки было хорошо дома! Быстрее бы вернуться в землянку, выпить горячего чая, выкурить папироску и поспать хоть два часа до следующей проверки. Сейчас, в этой суровой реальности, это казалось каким-то райским блаженством.

Ерофеев хотел ещё что-то сказать, уже набрал воздух, но Артём опередил: — Отставить разговорчики! Мы тут не лясы точить собрались!

В голове у Артёма с визгом летящей пули вертелась одна мысль: «Этому мужику словно не холодно. Идёт вразвалочку, вон даже гимнастёрка сверху расстёгнута!» Раздражение и

какая-то непонятная обида от всего происходящего заполнили всё его озябшее тело. Не такого он себе ожидал. Он готовился к бою, к атаке, собирался грамотно руководить и побеждать врага, а вместо этого занимается какой-то ерундой.

«Да он издевается надо мной. Проверяет на вшивость. Мол, такой бывалый, выносливый, а я тут...» — эта мысль обожгла, и Артём ухватился за неё, как за оправдание своей злости.

Взгляд его зацепился за распахнутую гимнастёрку старшины, из-под которой выглядывала бычья шея. — Старшина Ерофеев, почему нарушение устава — ношение формы? Или тоже уставу не обучен? — голос сорвался почти на крик, и от этого Артёму стало ещё более стыдно.

— Обучен, — протянул Иван Данилович своим низким, непонимающим басом. — Да это у меня шея короткая, натирает. А тут как натрёшь, так всё загнивает. Болотина же, место гнилое. Вон давеча один голяшку сапогом натёр — так неделю потом на перевязочный пункт бегал...

Артём не дал ему договорить. — Застёгивай давай! Я сказал!

Ерофеев послушно потянулся к пуговицам. Он несколько раз неловко пытался попасть в петли, шея его топорщилась, кожа собиралась складками, и было видно, что застёгиваться ему неудобно и тяжело. — И крючок! — рявкнул Артём. — Не получится, товарищ лейтенант, — спокойно, без обиды, протянул Ерофеев. — Шея не даст.

И тут Артём будто сорвался. Он подскочил, схватил край воротника и сам попытался зацепить крючок. Пальцы дрожали от холода и злости, крючок соскользнул и впился не в петлю, а прямо в кожу на шее старшины. Проступила капля крови.

Ерофеев даже не дёрнулся. Только посмотрел на Артёма — не с ненавистью, а с каким-то усталым, почти отцовским укором. — За что так грубо, товарищ лейтенант?

Слова ударили сильнее любого крика. Артём вдруг почувствовал, как из него разом выходит весь этот горячий, злой воздух. — Я... я не хотел, — пробормотал он, отступая на шаг.

— Знаю, что не хотели, — тихо ответил Ерофеев и аккуратно отцепил крючок, не сводя с Артёма спокойного взгляда. — Но тут не Москва, товарищ лейтенант. Тут устав — не про крючки. Тут он про то, чтобы люди живыми остались.

Эти слова упали в тишину, как камень в воду, и пошли кругами. Артём хотел было что-то возразить, снова схватиться за устав, за свои знания, полученные в училище, но слова не шли. Он только кивнул, не поднимая глаз.

А внутри у него вдруг всё перевернулось. До этой секунды устав был его щитом, единственной вещью, которая делала его настоящим командиром. А теперь он вдруг понял: этот щит здесь может стать обузой. И если он будет цепляться за крючки и доклады, он не защитит никого — ни себя, ни этих людей, которые смотрят на него сейчас не с ожиданием, а с терпеливым недоумением.

Они пошли дальше, молча. Артём больше не требовал докладов, не смотрел на ремни и подворотнички. А в голове у него крутилась одна фраза: «Тут устав — не про крючки...» — и с каждым шагом она становилась всё тяжелее, но и всё правдивее.

Они шли дальше по окопу, молча. Артём всё ещё чувствовал, как горят щёки от стыда, и не знал, что сказать. А Ерофеев шагал ровно, не торопясь, будто тяжесть этого дня была ему привычна.

— Простите, товарищ старшина, — наконец выдал Артём. Слова прозвучали жалко, но он всё-таки их сказал. — Да ладно, лейтенант, — спокойно ответил Ерофеев, не глядя на него. — Тут не за что прощать. Тут просто холодно.

Артём хотел было что-то добавить, но заметил, как старшина на секунду замер, будто прислушиваясь к себе. Потом тяжело выдохнул, и пар изо рта рванулся вперёд, растворяясь в сыром воздухе.

— У нас под Иркутском, возле Ангары, тоже бывало холодно, — неожиданно тихо проговорил Ерофеев, будто не Артёму, а себе самому. — Но там мороз сухой, честный. А тут... болотина. Она душу вытягивает.

Он помолчал, и Артём вдруг понял, что сейчас старшина говорит не про погоду.

— Я там, в селе, к кузнецу в подмастерья пошёл. Быстро схватывал. Всё мне нравилось: металл, огонь, когда вещь из ничего рождается. Дом мы с Леночкой обустроили. Она фельдшером работала, её все уважали. Думали, жизнь наладилась...

Ерофеев снова замолчал. На этот раз надолго. Артём не решался ни перебивать, ни спрашивать. Он просто шёл рядом и слушал тишину, в которой слова звучали громче крика.

— А потом Леночку сбил пьяный конюх. Прямо на улице. В темноте. Я сам её нашёл... поздно. После этого думал, что всё, конец. Потом война. Пошёл добровольцем. Думал, пусть уж сразу... А смерть всё мимо. Друзей терял, а сам жив. Вот и говорят, что заговорённый. А мне кажется, проклят: только привяжешься — и теряешь.

Артём сглотнул. Ему вдруг стало стыдно не за крючок, не за крик, а за то, что он вообще мерил этого человека своими уставными мерками.

— Потому я и не люблю лишних слов, лейтенант. И не люблю, когда человека за пуговицу тянут. Жизнь и так хватает за горло.

Они остановились у очередного поста. Часовой кивнул Ерофееву, как старому знакомому, и старшина чуть заметно улыбнулся ему в ответ — так, будто этот кивок был важнее любого доклада.

— Сейчас самое трудное время начнётся, — тихо сказал Ерофеев, глядя в темноту, где ночь уже смыкалась с землёй. — С четырёх дня до восьми утра посты усиливают. Пять часов на этом мокром морозе — это не про храбрость. Это про то, чтобы просто не сойти с ума. Минус двенадцать, а тело до костей промерзает, одежда влажная. Тут не про крючки надо думать, а про то, как человека сберечь.

Он повернулся к Артёму, и в его взгляде не было ни упрёка, ни жалости — только спокойная тяжесть, которую он нёс столько лет.

— Вы, товарищ лейтенант, не бойтесь быть неидеальным. Бойтесь быть равнодушным. А устав... устав тут такой: чтобы каждый, кто смену отстоял, живым домой вернулся. Хоть когда-нибудь.

Придя в землянку, Артём разделся, налил горячий чай и, не раздеваясь до конца, бухнулся на нары. В землянке было тепло, пахло сеном, древесиной, землёй и догоравшими в буржуйке поленьями. Он закрыл глаза и почти сразу провалился в сон.

Ему снился дом. Мама ставила на стол тарелку горячих пирожков, за окном падал пушистый снег, а в комнате пахло яблоками и ванилью. Артём хотел сказать ей что-то важное, но не мог подобрать слов. Он просто сидел и смотрел, как она улыбается, и чувствовал, как тепло разливается по груди.

— Тревога! К бою! Немцы на прорыв! — грубый крик ворвался в сон, как удар сапогом в дверь.

Артём подскочил, не понимая, где он, что происходит. Перед глазами ещё стояла мамина кухня, а вокруг была закопчённая землянка, сапоги, ремни, люди, которые уже выскакивали наружу.

Он схватил ремень, попытался заправить рубашку. Пальцы не слушались, пуговица никак не попадала в петлю, и от этого паника только нарастала. «Спокойно, спокойно!» — говорил он себе, но голос внутри звучал жалко и тихо.

Выбежав наружу, он сразу попал в хаос. Темнота, вспышки выстрелов, крики, запах пороха и сырости. Где-то совсем рядом, в окопе, разорвалась граната, и земля вздрогнула под ногами.

В этой суматохе он вдруг увидел Ерофеева. Старшина стоял спокойно, будто посреди бури, и раздавал короткие, чёткие команды: — Второй сектор — держать! Патроны экономить!

Артём хотел было крикнуть: «Я здесь, я командир!», но слова застряли в горле. Он только шагнул вперёд, и Ерофеев на секунду поймал его взгляд. — Держи сектор, лейтенант, — спокойно сказал он, будто это была самая естественная вещь на свете. — Не стой. И каску надень, или жить не хочешь. Артём не стал спорить, а метнулся в землянку за каской. Внутри было всё так же тепло, но теперь этот тёплый запах сена казался чужим, почти предательским — будто он вообще из другого мира. В полутьме он нашарил каску, ту самую, с помятым краем. Пальцы наконец-то сработали, он с шлепком натянул на подбородок ремешок — и этот сухой, короткий звук вдруг прозвучал как команда самому себе: «Держись».

В тот же миг дверь землянки распахнулась с таким треском, будто её не открыли, а сорвали с петель.

На пороге стоял Ерофеев. Лицо — как камень: ни злости, ни спешки, только железная собранность. Он коротко глянул на Артёма — и в этом взгляде было сразу всё: и «вижу, что трясёшься», и «но ты справишься».

— Обстановка такая, — негромко, но так, что слышно сквозь грохот, бросил Ерофеев. — На дальнем посту связь пропала, ребята там почти вслепую сидят. Я туда. Держи позицию их, если обвал обороны — сразу дам знать. А тут у тебя второй сектор, Петров с Семёновым на месте, они парни крепкие бывалые. Теперь твоя очередь командовать, лейтенант. Не жди, пока за тебя решат.

Артём хотел сказать: «Я не готов», хотел хоть слово выдать, чтобы старшина понял, как у него внутри всё дрожит. Но Ерофеев не ждал оправданий. Он шагнул ближе, чуть понизил голос — будто делился не приказом, а чем-то своим, тяжёлым:

— Давай, держись. И командуй. Пусть не громко, пусть не красиво — главное, чтобы слышно было. Чтобы парни знали: командир тут, он видит, он с ними.

— Давай, держись. И командуй. Пусть не громко, пусть не красиво — главное, чтобы слышно было. Чтобы парни знали: командир тут, он видит, он держит.

Он ещё секунду постоял, будто хотел что-то добавить, но только коротко кивнул:

— Я на дальнюю. Доложу тебе, как доберусь. Держись тут.

И ушёл — не бегом, не в суете, а ровно, твёрдо, растворяясь в темноте, где вспышки разрывов чертили небо рваными линиями.

Артём остался у двери. В ушах звенело, пальцы всё ещё сжимали каску, будто она была якорем. Но теперь в груди появилось что-то новое — не спокойствие, нет, а тяжесть ответственности, которая вдруг перестала казаться чужой.

Лейтенант медлил, не в силах заставить себя выйти наружу. Тело будто сковало льдом: ноги подгибались, руки тряслись, и даже заправить гимнастёрку казалось непосильной задачей. Он кое-как стянул полы, пальцы путались в пуговицах, а в груди всё сжималось от глухого, животного страха.

Внезапно рядом грохнула очередь крупнокалиберного MG-42, в ответ коротко рявкнул ППШ — и тут же замолк. Ещё автоматные очереди, и сразу в ответ — два пулемёта одновременно, сливаясь в один сплошной вой.

«Немецкие пулемёты... прямо за палаткой! Прорыв... так быстро!» — пронеслось в голове у Артёма.

Он метнулся к двери. Сбитая из толстых досок створка; она и правда давала ощущение надёжности, пока была закрыта. Сейчас Артём стоял к ней вплотную и видел сквозь щели узкие полосы света — от вспышек выстрелов. В этих полосах плясали пылинки, и казалось, что сама дверь дрожит от грохота снаружи.

Сквозь щели он увидел вспышки — огни, вырывающиеся из стволов, на секунду выхватывали из темноты силуэт. Огромный, тяжёлый, словно демон из кошмара: свет пулёмётных

очередей обрисовывал его, будто высекая из мрака. Противостояние ППШ захлебнулось в этом грохоте.

Артём не видел лица, но кожей чувствовал: силуэт повернулся к входу. Щёлкнул спуск. И в этот миг весь мир сузился до точки — до этого щелчка, до запаха гари и сырости, до тяжести в животе, где будто крутили раскалённой кочергой.

— Мама... мамочка... — прошептал он, голос сорвался на жалобный писк.

Ноги стали ватными, он осел, и реальность обрушилась окончательно. Внизу живота всё оборвалось, и по штанам потекло, сапоги быстро наполнились, чавкнули при малейшем движении. Страх перестал быть просто страхом — он стал физическим, липким, унижительным.

В голове мелькнуло: «Рядом кобура... пистолет!» Он рванулся к ней, пальцы судорожно вцепились в рукоять, но кобура будто держала намертво, не отдавала оружие. Артём дёргал, тянул, как загнанный кролик, который конвульсивно подпрыгивает в ловушке, не видя выхода.

А силуэт не стал нагибаться, чтобы войти. Он просто ударил в дверь. Не ногой, не плечом — просто шагнул вперёд, и тяжёлые доски не выдержали. С оглушительным треском створка сорвалась с петель, пролетела через землянку и с грохотом врезалась в противоположную стену. На мгновение лейтенанту показалось, что этот человек — нет, это существо — заполнило собой всё пространство, вытеснив воздух, свет, саму возможность дышать.

Наконец, с хрустом, пистолет выскользнул из кобуры. Артём расставил ноги, как в ковбойских фильмах, сапоги противно чавкнули, и он направил ствол на фрица. На секунду в нём вспыхнуло ложное чувство превосходства: «Я на мушке! Сейчас выстрелю — и всё закончится!»

Но раскалённая кочерга в животе не унималась, только сильнее накручивала кишки.

— Вот, мазилы? Там по выстрелам не меньше дюжины автоматчиков не справились... Какой сброд мне достался... — пронеслось у него в голове, и эта злость на самого себя вдруг дала крошечную опору.

Фигура немца казалась огромной не только из-за роста: кожаный плащ добавлял веса, за ним угадывался массивный короб пулемёта. На голове — каска, простреленная в нескольких местах, искорёженная, с вмятинами. Лицо... лицо было как с арийских плакатов, но изуродованное: кожа висела лоскутами, будто резиновая, но крови почти не было. Это делало его не человеком, а чем-то невозможным, кошмарным.

— Что за срань тут происходит... Это сон... — прошептал Артём, цепляясь за эту мысль, как за соломинку.

Фриц отбросил разряженный пулемёт. Патроны кончились. Больше оружия не было видно.

— Получи, фашистская мразь! — выкрикнул Артём, подбадривая себя, и, зажмурившись, разрядил половину обоймы в грудь противника.

Раздался металлический лязг. Пули отскочили, не причинив вреда. Противник даже не дёрнулся. Только медленно опустил взгляд на свою грудь.

— Бронеплита! — сообразил лейтенант и оставшуюся обойму всадил в лицо.

Голова существа лишь чуть качнулась от попаданий, будто её толкали, но не могли сдвинуть. После последнего выстрела она замерла на секунду — и эта секунда показалась Артёму вечностью. Он застыл, парализованный ужасом.

Затем фигура медленно подняла взгляд. Кожа на лице частично слетела, висела рваными лоскутами. Там, где должны были быть глаза, теперь горели красные огоньки. Из-под разорванной плоти проглядывали чёрные кости черепа.

— Боженьки... — простонал Артём, судорожно пытаясь вспомнить хоть одну молитву. Он был убеждённым атеистом, но на войне атеистов не бывает. — Господи, спаси... «Отче наш»... бабушка учила... но слова рассыпались, память будто отшибло.

Туша медленно сдвинулась с места. Метафизическая кочерга внутри вдруг резко упёрлась во что-то, надавила — и реальность окончательно рухнула. С отвратительным звуком содержимое кишечника прорвалось наружу.

Чавкаяющими, ватными ногами он попятился, потом развернулся и, как маленький ребёнок, забился в угол на нарах, обхватил колени, уткнулся лбом в стиб руки и зашатался, вгоняя себя в транс.

— Это сон. Это мне снится. Я сейчас проснусь. Потом опять засну, и мне приснится мама, . Конечно, это сон... такого не бывает... — шептал он, как мантру.

Из этого оцепенения его вырвала резкая боль: чья-то рука схватила его за волосы, резко откинула голову назад, вторая вцепилась в шею. Безвольное тело выдернули из безопасного угла. Ноги повисли в пустоте. Чуть согнув руку, существо подтянуло лицо Артёма к своему. Сквозь рваную кожу проглядывала металлическая скула, а в приоткрытом рту виднелись идеально ровные, белоснежные зубы.

— Не курит, наверное... спортсмен... — бессмысленно пронеслось в голове Артёма, нелепая мысль, которая вдруг удержала его от полного безумия.

— Цель опознана: русский солдат. Угрозы нет. Уничтожить, — сказала чудовище на чистом русском, без акцента, холодным, механическим голосом.

— Нет... нет... не надо... — прохрипел Артём, пузырясь соплями и слезами.

И тут краем глаза он заметил небольшую тень, скользнувшую в дверной проём — туда, где ещё валялись щепки и торчали сорванные петли.

— Свои... ребята... наконец-то... — мелькнула слабая надежда.

Сразу за этим грянула очередь. Искры, как бенгальские огни, брызнули из головы существа. Чудовище на секунду замерло, ослабило хватку — и Артём рухнул на земляной пол, сел на корточки, прижался спиной к стене, не понимая, жив ли он вообще.

Перед ним стояла невысокая, очень хрупкая рыжая девчонка, на вид лет восемнадцати, абсолютно голая, вся обсыпанная мукой, будто только что выскочила из пекарни. В руках она уверенно сжимала пулемёт Дегтярёва ДП-27.

Она резко отбросила пулемёт, протянула руку к Артёму и крикнула звонким, почти детским голосом, но с железной твёрдостью:

— Нож! Давай нож, быстрее, не тупи!

От сдавленной гортани Артём не мог вымолвить ни слова. Только дрожащей рукой показал на стол, где среди кружек, крошек и газеты лежала финка.

Существо очнулось, выпрямилось, опустило руки, как солдат по стойке «смирно», и медленно развернулось в сторону девушки.

— Поздно! — крикнула она, голос звенел от адреналина.

Несколько секунд чудовище всматривалось в неё, будто считывало данные.

— Цель опознана. Объект 723. Угроза высокая. Приоритет высокий. Задача: доставить живой, — проговорило оно тем же спокойным, нечеловеческим тоном.

Рыжая не дрогнула. Она подхватила пулемёт с такой лёгкостью, будто он ничего не весил, и выпустила короткую очередь.

— Ну что, нравится, консервная банка? Хочешь меня? Тогда возьми! — выкрикнула она и швырнула опустевший пулемёт прямо в лицо чудовищу.

Тот не шелохнулся. Даже не моргнул — если бы у него были веки. Медленно, размеренно он двинулся к ней.

Девушка не стала ждать. Она скользнула за порог, существо последовало за ней — сначала неуверенно, будто пробуя движения, а потом всё быстрее, словно сбрасывая оцепенение. Каска сорвалась с головы и повисла на ремешке.

Через мгновение снаружи раздался оглушительный грохот — будто что-то огромное рухнуло, ухнуло, ещё раз вздрогнуло — и наступила тишина.

Артём глубоко втянул воздух, закашлялся, пытаясь прогнать из горла этот железный привкус страха, закатил глаза — и сознание окончательно погасло.

Глава 2

Глава 2

«Голые гости»

-В бане все ровны.

-Но у кого-то ровнее.

(Народная мудрость)

Позиции 1 роты, 374 стрелкового полка, вблизи города Пскова, 1944год 17 февраля, 04:03. Не за долго до событий в землянки.

— Три... нет, четыре танка! — рывкнул Ерофеев, вжимаясь в край воронки. Его голос даже сквозь грохот пробивался — не от громкости, а от той самой стальной нотки, когда слова становятся приказом ещё до того, как их произнесут.

Танки ползли, тяжёлые, будто сами земля и сталь. Ещё до их подхода Ерофеев рассредоточил бойцов: часть укрылась в старых снарядных воронках, заранее залёг там с гранатами и бутылками с «коктейлем», прижимаясь к земле так плотно, что их не выдавал даже пар от дыхания. И как только машины подошли на бросок — все разом вынырнули. Точно, без суеты, как на учениях, только быстрее: в воздух взлетели связки гранат и бутылки.

Бабах! Бабах!

Взрывы ударили по ушам, по груди, по нервам. Танки попятились, один резко крутанулся на разодранной гусенице — и подставил борт. Вдгонку полетели новые бутылки. Пламя рванулось вверх, жадно лизнуло броню, и машины, отступая, превратились в огненные стога. Один замер, из люков повалили клубы — не просто дым, а сама горечь поражения.

— Пулемёты — огонь! — скомандовал Иван, и тут же из огневых точек ударили очереди. Трассеры прошили темноту, выхватывая силуэты танкистов, которые пытались выскочить из своих железных гробов. Они падали, как подкошенные, будто сама ночь не хотела их выпускать.

— Назад, братья! — голос Ерофеева хлестнул, как кнут. Он первым поднялся, показывая: не прячься, действуй. Но из воронок смогли выбраться только двое. Остальные либо прижались плотнее, либо... либо уже не могли.

Наступающая пехота рассредоточилась, вцепилась в землю и открыла огонь. Фашисты залегли у догорающих танков, превратив их в укрытия. Часть поползла вперёд, сливаясь с тенями, с сугробами, с самой тишиной.

— Прожектор! — бросил Ерофеев.

Где-то поодаль вспыхнул луч — резкий, белый, безжалостный. Он ударил по полю, как рука охотника, и вдруг выхватил то, что до этого было просто шевелением в темноте: ползущие фигуры, серые шинели, блеск стали. Земля будто ожила и тут же застыла, пойманная этим светом.

— Гранаты к бою! — Ерофеев чеканил слова, как гвозди.

Те, кто ещё держался в воронках, выдёргнули щеки, на секунду замерли, будто прислушиваясь к собственному пульсу, и разом метнули.

Земля содрогнулась. Грохот ударил в грудь, вышибая дыхание.

— Ещё! Гранаты! — снова голос старшины, ровный, будто не здесь, не сейчас.

Ещё несколько взрывов. В свете прожектора стало видно, как часть врагов, чудом уцелевших, поднялась и рванула назад, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь — как звери, которых гонят огнём.

— Отступают! — кто-то выкрикнул, и в этом крике было столько облегчения, столько жизни, что даже мороз будто отступил на шаг.

— Бей гада! — подхватили другие, и теперь уже не было ни страха, ни сомнений — только короткие, прицельные очереди из ППШ и пулемётов. Отступающих расстреливали, словно в тире, но это не было игрой: это была цена за каждую секунду, за каждый вздох. Проектор шарил по полю, выхватывая новые цели, и казалось, что сама ночь теперь на их стороне.

Атака захлебнулась.

Но Ерофеев не радовался. Он стоял, вглядываясь в темноту за прожекторным пятном, туда, где связь оборвалась ещё час назад и где сейчас, на самом краю, его ребята держались на одном упрямстве.

«Без связи они слепые, — думал он, стискивая автомат так, что побелели костяшки. — Слепые и одни».

Он резко махнул рукой, подзывая к себе двоих, кто ещё мог держаться на ногах.

— Со мной. На левый фланг. Там наши без связи сидят, если фрицы снова пойдут — их сметут.

Те кивнули без лишних слов. Не потому, что не боялись, а потому, что знали: со старшиной хоть и тяжело, но не бросят.

Ерофеев последний раз глянул на поле, где догорали танки и белели сугробы, и шагнул в темноту — туда, где тишина была страшнее любого грохота.

Увлечённые боем, бойцы не замечали ничего вокруг: ни неба, ни земли — только танки, только вспышки, только цель. А вот Ерофеев, уже поднимаясь, чтобы рвануть к левому флангу, краем глаза зацепил что-то не то.

В небе над окопами, возле офицерской землянки, будто пошла рябь — как над раскалённым железом. И в этой ряби набухла синеватая энергетическая сфера. Она пульсировала, словно живое сердце, и с каждым ударом из неё рвались тонкие, изломанные молнии. Они били в мёрзлую землю, выжигая и расплавляя её: снег вскипал паром, корка трескалась и пузырилась, а в воздухе резко пахло озоном, как после сильной грозы. Молнии метались, искали заземление — и, найдя, вспыхивали и гасли, оставляя на земле чёрные, оплавленные борозды.

Внутри сферы, будто подвешенные в воздухе, застыли двое. Абсолютно голые. В них можно было угадать мужчину и женщину. Мужчина — крепкого телосложения, на вид лет сорока, с лицом, на котором читалась привычка к жёстким приказам и тяжёлой работе. Рядом — молоденькая девушка, от силы лет восемнадцати, спортивного телосложения, с телом бойца. По коже бежали странные симметричные шрамы — ровные, будто выведенные по линейке, и от этого они выглядели ещё более чужими.

Сфера повисела в воздухе считанные мгновения — и внезапно исчезла с резким хлопком, похожим на лопнувший мыльный пузырь. Тела рухнули плашмя на землю. Удар прозвучал глухо, тяжело, и от места падения вверх рвануло густое облако пара: горячая земля шипела, будто живая.

Ерофеев замер на долю секунды, глаза сузились, мышцы сжались, как перед броском. Первая, чисто фронтовая мысль ударила чётко и жёстко: *«Новое оружие... немцы испытывают что-то новое»*. Но раздумывать было некогда: бой не ждал ни секунды.

Он резко махнул рукой, подзывая двоих, кто ещё держался на ногах:

— Со мной. На левый фланг. Там наши без связи сидят. Если фрицы снова пойдут — их сметут.

Те кивнули без лишних слов. Ерофеев последний раз глянул туда, где ещё клубился пар, где на снегу лежали эти двое, и шагнул в темноту — туда, где тишина была страшнее любого грохота.

Ерофеев, тяжело дыша, свернул за угол окопа. Рядом, прижимаясь к промерзшей стене, шли двое бойцов — те, кого он успел собрать. Перед ними открылась небольшая землянка,

вырубленная для отделения: низкий вход, сколоченные нары, на стене — закопчённый котелок. Тут должны были сидеть ребята без связи. Тут должна была быть самая горячая точка.

А вместо этого — тишина. Не та мёртвая, от которой волосы встают дыбом, а другая: с хриплым смехом, с облегчённым выдохом, с коротким, почти детским «ура».

— Да они же отходят! Отходят, братцы! — выкрикнул кто-то, и голос дрожал не от страха, а от того, что страх наконец отпустил.

Ерофеев замер на пороге, не веря своим глазам. Бойцы, те самые, что должны были держаться из последних сил, теперь стояли, кто на коленях, кто привалившись к стенке окопа, и смотрели вперёд с какой-то пьяной радостью. Пулемётчик, весь в пороховой гари, вдруг захотал коротко и резко, будто чихнул.

— Гляди, гляди! Один встал, второй... Да они назад идут придурки! Мы их! Мы их сейчас сделаем!

И в эту секунду Ерофееву тоже захотелось поверить, что всё. Что худшее позади. Что сейчас можно просто сесть, вытереть лицо рукавом и сказать: «Живы. Дожили».

Но взгляд сам собой скользнул дальше, за линию окопов, туда, где ещё клубился пар от догорающих танков, где свет прожектора метался по полю, выхватывая то снежный сугроб, то чёрную воронку... и вдруг — фигуры. Не те, что отступали. Другие.

Те, что шли вперёд.

Ликование оборвалось так же резко, как если бы кто-то выключил звук. Сначала замолчал один, потом второй. Улыбки сползли с лиц, как маска, которую сорвали рывком.

— Это... это не люди, — прошептал рядом боец, и в голосе не было ни удивления, ни крика — только ледяное понимание.

И правда: эти не бежали, не прятались, не искали укрытия. Они шли, будто не замечая пуль. Кожаные плащи висели лохмотьями, металл касок был изрепечён, но они шагали, высоко поднимая ноги в глубоком снегу, и несли на себе эту чудовищную тяжесть — ранцы, пулемёты, смерть.

— Гранаты к бою! — голос Ерофеева снова стал стальным, без единой дрожи. Он сам не понимал, как в нём ещё осталось столько силы, но знал одно: если сейчас не остановить этих, не будет ни «дожили», ни «завтра», ни вообще ничего.

В этот же миг, за их спинами, возле офицерской землянки, женская фигурка — та самая, голая, со шрамами — резко махнула рукой, указывая на окопы, а сама метнулась к входу в землянку. Туда, где только что исчезла тень третьего «немца».

— Бросай! — рявкнул Ерофеев.

Гранаты полетели вперёд, разрывая тишину, которая только что казалась спасением. Земля вздрогнула, поднялась стеной грязи и снега, скрыв на секунду эти неестественно ровные фигуры.

Когда пыль осела, они стояли. Помятые, пробитые, но живые. И снова шагнули вперёд.

Кто-то в окопе тихо, обречённо выругался. Кто-то начал шептать молитву. Молодой боец, совсем мальчишка, вдруг всхлипнул, и слёзы потекли по закопчённым щекам, смешиваясь с грязью.

Ерофеев шагнул к нему, обнял крепко, по-отцовски, прижал голову к своей груди, закрывая мальчишку собой, насколько это вообще было возможно.

— Не бойся. Умирать вместе не так страшно. А двум смертям не бывать, одной не миновать!

Он отпустил парня, выпрямился, сжал автомат так, что побелели костяшки, и посмотрел прямо на надвигающуюся смерть.

— Держим линию. До последнего. Пока патроны есть — мы не сдаёмся.

Окопы стонали от очередей, снег чернел от пороховой гари, а воздух был такой густой от дыма и страха, что казалось — вдохнуть его можно только вместе с чужой смертью. Поредевший отряд сбился в тесную кучку у поворота траншеи, там, где землянка давала хоть какую-то иллюзию укрытия.

— Ну что, братцы... — голос Ерофеева звучал глухо, без прежней стальной твёрдости. Он обвёл глазами своих: кто-то стискивал автомат так, будто это была последняя опора, кто-то просто смотрел в промерзшую стенку окопа, будто там можно было прочесть ответ, как выжить. — Похоже, это наш последний рубеж. Давайте прощаться. Было честью стоять с вами плечом к плечу.

В окопе повисла тишина, в которой грохот боя стал каким-то далёким, почти нереальным.

—Прощай, старшина...

—Прощайте братцы...

— Простите, если, когда обидел...

Кто-то тихо всхлипнул, кто-то перекрестился. Молодой боец, совсем мальчишка, уткнулся лбом в колено и шептал что-то про мать и дом, так тихо, что никто не разбирал слов.

Ерофеев положил тяжёлую руку ему на плечо:

— Держись, сынок. Сейчас главное — не потерять голову. Мы столько раз из переделок выбирались... Может, и сегодня пронесёт.

И в эту самую секунду, когда все уже внутренне смирились, сверху, скользя по обледеневшему скату окопа, к ним рухнул рослый мужчина. Голый, обильно посыпанный белым снежным порошком, он на секунду замер, будто прислушиваясь к полю боя.

Бойцы вскинули стволы, но не с азартом, а скорее по инерции — будто даже стрелять уже не было сил.

— Найн, найн! Я хотеть вам помочь, русский зольдатен! — голос у него был грубый, почти со скрипом, с заметным немецким акцентом.

— Да это немец! Мочи его! — выкрикнул кто-то, но в голосе не было злости, только усталость и раздражение, будто даже убить кого-то сейчас было слишком тяжело.

— Отставить! — рявкнул Ерофеев, и в этом окрике вдруг снова прорезалась прежняя твёрдость. Он не сводил глаз с незнакомца. — Он же голый! Коли хочешь помогать — помогай.

Старшина стащил сапоги, штаны и ватник с убитого бойца.

— Прости, брат, тебе они уже не пригодятся, — тихо бросил он, а потом швырнул одежду незнакомцу. — Прикройся, а то срамоту отморозишь.

Тот без промедления натянул штаны и телогрейку, сапоги примерил и тут же отбросил:

— Маленький сапог. Потом. Некогда!

И тут же, не дожидаясь разрешения, взял командование на себя, рубя фразы с военной чёткостью:

— Так, русский, слушай внимательно. Ви — двое, хватай то бревно! Ти! — он ткнул пальцем в сторону старшины. — Давай мне свой нож. Шнель, шнель!

Ерофеев на долю секунды замешкался, но тут же отстегнул нож и протянул. В глазах незнакомца мелькнуло что-то вроде уважения — не за храбрость, а за то, что не стал спорить.

— Делаем, как он говорит. Выбора нет, — коротко бросил Ерофеев.

Один из солдат тихо шепнул:

— Откуда он вообще знает, как этих чертей ломать?

Но Ерофеев не ответил. Он смотрел на незнакомца и видел: тот не гадал, не искал решение — он *вспоминал* отработанный порядок. Для него это был не первый такой бой. Для него

эти твари были не чудом, а привычной угрозой, которую научились побеждать там, откуда он пришёл.

За углом окопа раздался хруст ломаемых костей — тень убийцы надвигалась. Все замерли, чувствуя, как холод пробирается под шинели. Двое крепче обняли бревно. В проходе показалась фигура «бессмертного»: плечистый, в изодранном плаще, с пулемётами в обеих руках.

— Сейчас! — крикнул незнакомец.

С отчаянным криком бойцы рванули вперёд, направляя бревно прямо в ноги этой нечисти. Металлический удар отозвался по окопу, как по пустой бочке. Тварь со скрежетом повалилась на землю.

Но Ерофеев замешкался с гранатой — боялся зацепить своих. Тогда незнакомец подскочил, резким движением сдёрнул с твари каску, воткнул лезвие ножа в узкое пространство между основанием черепа и первым позвонком. Полетели искры. Он рванул кусок обшивки, подцепил что-то внутри, резко повернул и откинул металлическую крышку.

Тварь дёрнулась, приходя в себя, и тут же ударила ногой рядом стоявшего бойца. Тот отлетел на метр и с глухим стуком врезался в стенку окопа. Хруст сломанных костей прозвучал особенно страшно в этой тесноте. Тело сползло вниз, оставив вмятину в мёрзлой земле. Второго бойца эта нечисть схватила за ногу, подняла головой вниз, словно тряпичную куклу, и воткнула головой в землю. Хруст позвоночника прозвучал как сухая ветка.

Когда тварь разжала хватку, боец упал грудью вперёд, а ноги его неестественно сложились на спине. Существо выпрямилось, но движения давались тяжело: левая рука и нога почти не сгибались, голова застряла в боковом положении и дёргалась, пытаясь вернуться в нормальное положение, но каждый раз откатывалась обратно. Оно продолжало наступать боком, размахивая негнущейся рукой и подтягивая парализованную ногу.

Смотреть на это было невыносимо, но крепкие духом фронтовики постепенно выходили из оцепенения. Первым очнулся незнакомец:

— Кидать гранату! Шнель, шнель! — его крик ударил по нервам, как хлыст.

Это вывело Ерофеева из ступора. Он размахнулся и швырнул гранату под ноги этому чёрту.

Все рухнули на дно окопа. Тварь будто оценила ситуацию, растерянно глянула вниз и попыталась отскочить, но успела сделать лишь полшага.

Грохнул взрыв. В ушах зашумело, голову сдавило жгучей болью, из носа и ушей потекла кровь. Бойцы с трудом приподнялись: кто-то держался за голову, кто-то утирал кровь. Один боец сидел, трогая живот. Он не успел лечь и грудью принял удар. Сквозь разорванную одежду виднелись внутренности. В шоке он пытался собрать вывалившиеся кишки, не понимая, что происходит.

Ерофеев подполз к нему, удерживая его трясущиеся руки:

— погоди, не трогай... Я сейчас помогу!

Но собственного голоса он не слышал — сильная контузия глушила всё. В голове трещало, его вырывало. Он посмотрел в сторону взрыва. А незнакомец уже всюду трудился над этой тварью, ловко орудуя ножом.

Ерофеев перевёл взгляд на бойца с разорванным животом. Тот уже был мёртв. На лице застыл ужас, в открытых глазах блестели ручейки слёз. Старшина с горечью отвернулся, выругался сквозь зубы, потом протянул руку и закрыл безжизненные глаза.

— Мы отомстим за тебя, дорогой друг и товарищ, — тихо проговорил он.

Незнакомец подскочил к нему, сунул в руку какую-то микросхему и затряс за плечо:

— Большой медведь, вставай! Не время лежать!

Голоса доносились как из тумана, издалека, а потом резко стихли. С нарастающей болью возвращалась слышимость. Ерофеева снова стошнило. Он вытер кровь и рвоту рукавом, чертыхнулся.

Ещё один боец подбежал, тормозил его:

— Там ещё один, старшина! Наши почти все мертвы. Мы смогли этого чёрта одолеть, но надо идти дальше — без нас не справятся!

Преодолевая боль, чувствуя себя словно в тяжёлом опьянении, Ерофеев поднялся. Земля уходила из-под ног, его мутило, но он выдавил:

— Все вперёд!

— Все вперёд, шнель, шнель, русский зольдатен! — вторил ему незнакомец.

Поредевший отряд рванул вперёд. Незнакомец обогнал всех, явно желая возглавить прорыв. Он протянул руку к Ерофееву:

— Дай гранату. Мне быстро!

Старшине стало совсем плохо. Он сел на землю, протянул гранату. Тот бережно принял её одной рукой, в другой по-прежнему держал нож. Легко вскочил, будто холод ему был нипочём. Ерофеев смотрел на него с уважением: столько времени босыми ногами по снегу — и ни стоны, ни дрожи. Только чистая воля.

— Кто же ты такой? — выдохнул Ерофеев.

Но слушать было некому: отряд уже мчался спасать оставшихся.

Незнакомец первым перелез через бруствер, остальные ползли следом. Он подобрался к следующей твари так, чтобы она не заметила, и рывком:

— Гранату кидать! Все!

Гранаты посыпались под ноги этой нечисти и почти разом рванули. Он тут же прыгнул на неё, привычно вскрыл обшивку, выхватил процессор и ещё что-то из грудной клетки, сунул в карман.

Только теперь, когда всё стихло, Ерофеев смог выдохнуть и снова спросить:

— Ты откуда знаешь, как их ломать? Откуда ты вообще такой взялся?

Незнакомец на секунду замер, будто решая, говорить или нет. Потом коротко бросил:

— Я из будущего. Там мы научились побеждать этих жестянок. А здесь... здесь они ещё сильнее, чем я думал. Эта машина — новый враг.

Он посмотрел прямо на Ерофеева, и в его взгляде читалось не хвастовство, а тяжесть знания: он знал, что впереди будет только хуже.

— Но мы справимся, — добавил он твёрдо. — Алёна там одна. Надо спешить.

И отряд снова рванул вперёд, туда, где возле офицерской землянки затих последний крик.

Артём пришёл в себя рывком — будто из темноты его вытолкнуло ударом, и он глотнул воздух так жадно, что горло обожгло гарью. Перед глазами плясали чёрные точки, в висках стучало, будто по черепу били изнутри молотком. Он попытался пошевелиться — и понял, что даже приподнять руку стоит усилий: мышцы не слушались, тело казалось чужим, налитым свинцом.

Пальцы вцепились в сырую глину бруствера, ногти впились в землю, и этот резкий, почти болезненный контакт вдруг дал точку опоры: «Я жив. Я здесь». Он заставил себя поднять голову. Мир сузился до трёх точек: огромная фигура впереди, мелькнувшая в дыму тень и собственные трясущиеся руки. Фигура двигалась странно — не как человек: слишком ровно, будто каждый шаг был просчитан, без лишней суеты, от чего становилось ещё страшнее.

Приказ уже вертелся на языке, готовый сорваться рывком, чтобы заглушить собственный страх. Но слова рассыпались, как галька под сапогом, не складываясь ни во что толковое. Он хотел рывкнуть, что он тут командир, хотел заставить себя выглядеть твёрдым, но даже голос не слушался.

А потом из дыма вынырнула она — та самая тень. Теперь в её движениях не было ни суеты, ни паники — только злая, собранная уверенность, будто она знала, как устроено это поле боя и где каждый осколок ляжет через секунду.

Артём на миг зацепился взглядом за её фигуру — и тут же сам себя одёрнул, не успев даже осознать, что именно он увидел. В этом дыму, среди грохота и гари, детали не имели значения: была только команда, только угроза, только следующий шаг.

— Не стой столбом! — её голос ударил по ушам, резкий и чёткий, без крика, без истерики — так говорят, когда каждая секунда на счету. — Он сканирует тепло! Прикройся плащом, сядь ниже! Ты у него на прицеле!

Артём хотел возразить, хотел хотя бы кивнуть, чтобы показать, что он в строю, но вышло только неловкое движение плечом. Он потянулся к плащу, пальцы не попадали в петли, и в этот миг он зацепился рукавом за край бруствера. Ткань треснула с сухим, резким звуком — и этот треск прозвучал громче любого выстрела, будто сам мир торопил его: «Быстрее!»

Девушка не стала ждать. Она метнулась к пулемётному гнезду, где двое бойцов застыли, глядя на приближающуюся фигуру так, будто перед ними было не просто зло, а сама неизбежность, которую нельзя остановить.

— Ты! — она ткнула пальцем в пулемётчика, голос хлестнул, как приказ старшины на учении. — Бьёшь по кромке траншеи, по опорам, по земле перед ним! Не в корпус! Пусть запнётся хоть на миг! А ты, — она повернулась ко второму, — тащи гранаты сюда, бегом, пока он не подошёл ближе!

Бойцы дёрнулись, будто их щёлкнули по затылку, и сорвались с места: один рванул ленту, второй метнулся к ящику с гранатами. Они слушали её не потому, что она была старше по званию, — званий тут вообще не было видно, — а потому что в её голосе звучала та самая уверенность, которая в бою дороже любого погона.

Рядом, будто из ниоткуда, возник Ерофеев. Лицо старшины было серым от копоти, спокойным, будто он привык к тому, что мир рушится, и знал, как удержать его на плечах. Он коротко глянул на Артёма — не с упрёком, а будто прикидывая, сколько тот ещё сможет держаться, — и повернулся к девушке.

— Гранаты будут через десять секунд, — ровно сказал он, будто они не в аду стояли, а на обычном учении. — Что дальше?

Девушка на секунду замерла, будто прислушиваясь не к словам, а к самому полю боя: к свисту мин, к лязгу металла, к тому, как меняется тишина перед шагом этой странной, пугающей фигуры.

— Дальше зажимаем его в проходе, — бросила она, и в голосе уже не было дерзости, только холодная расчётливость. — Там узкий участок, ему не развернуться. Пусть пулемёт бьёт по кромке, а как только он запнётся — кидаем гранаты в упор. Не раньше.

Ерофеев коротко кивнул.

— Сделаем, — и тут же, не оборачиваясь, рывкнул в сторону окопа: — Гранаты к проходу! Бегом!

И тут рядом с Ерофеевым, будто вынырнув из самой темноты между вспышками, появился Джастин. Он не бежал — летел, перескакивая через обломки, в одной руке сжимая моток троса, в другой — странную, собранную наспех конструкцию из обрезков металла и детонатора. Глаза у него горели не азартом, а холодной сосредоточенностью, будто он уже просчитал все варианты и выбрал единственный, который сработает.

— Старшина! — выкрикнул Джастин, не сбавляя шага. — У меня есть идея, как его не просто задержать, а свалить!

Ерофеев на миг прищурился, будто взвешивая: доверять или нет. Но времени на сомнения не было.

— Валяй!

— Он реагирует на импульс, я видел, как он менял вектор после взрывов. Значит, можно сбить его баланс резким рывком. Я накину трос на опорную балку и зацеплю за корпус, а потом рвану — пусть его швырнёт не в сторону, а вниз, в провал! Там яма после миномётного удара — если он туда свалится, у нас будет хотя бы минута!

Девушка услышала и тут же кивнула, будто этот безумный план идеально ложился в её расчёт.

— Пулемётчик, бей по балке! — рывкнула она. — Не по нему, по опоре! Пусть она надломится! Джастин, как только балка пойдёт — кидай трос!

Пулемётчик дал короткую, злую очередь по балке — не по киборгу, а именно по опоре, как велела Алёна. Пули щёлкали по металлу, высекая искры, и с каждым ударом балка проседала всё заметнее, будто сама траншея стонала под тяжестью боя.

— Идёт! — рывкнула Алёна, не сводя глаз с киборга. — Джастин, сейчас!

Джастин рванул вперёд, не думая о прикрытии, не пригибаясь — будто скорость сама была его бронёй. Он швырнул трос, и тот лёг петлёй точно на выступающий узел корпуса киборга, скользнул, но зацепился за край брони. Джастин дёрнул второй конец к себе, накидывая петлю на обломок балки, и в тот миг, когда балка надломилась с протяжным металлическим стоном, он рванул трос изо всех сил.

Киборга дёрнуло не в сторону, а вниз — как раз туда, куда и нужно: в провал от миномётного удара. Он ударился о скошенный край ямы, металл глухо лязгнул, и на секунду показалось, что сработало. Но машина не рухнула — она попыталась выровняться, её корпус напрягся, будто готовясь оттолкнуться от земли и снова встать.

Алёна не дала ей ни мгновения.

— Гранаты! — крикнула она, и голос её прозвучал как удар хлыста. — В упор, не раньше!

Первый боец швырнул гранату прямо в провал, туда, где киборг уже поднимался, опираясь на край. Взрыв ударил по ушам, земля вздыбилась, дым смешался с пылью, и на миг всё скрылось за завесой.

Но этого хватило. Киборг не поднялся. Он дёрнулся, будто пытаясь встать, и снова рухнул — на этот раз неуклюже, с глухим лязгом, будто внутри что-то сломалось. Его движения стали резкими, дёргаными, как у механизма, потерявшего синхронизацию. Красные огоньки в «глазах» мигнули, дрогнули, и вдруг вспыхнули ослепительно ярко — и тут же погасли.

Тишина наступила не сразу. Сначала был грохот, потом звон в ушах, потом тяжёлый, липкий воздух, в котором ещё висел запах гари и раскалённого металла. И только потом — тишина.

Артём, прижавшийся к стене прохода, почувствовал, как дрожь медленно уходит из рук. Он всё ещё держался за автомат, пальцы разжались не сразу, будто не верили, что можно отпустить. Он сделал шаг вперёд, осторожно, будто пол под ногами мог снова качнуться, и выглянул из прохода.

Перед ним была яма. В ней лежал киборг — не страшный, не величественный, а просто груда металла, из которой больше не исходила угроза. Из корпуса слабо тянулся дымок, где-то внутри щёлкало, будто остывали реле, и больше ничего.

Рядом с ямой стояла Алёна. Она не смотрела на киборга с торжеством, не улыбалась. Она просто стояла, тяжело дыша, и смотрела туда, где только что была смерть, а теперь осталась только искореженная техника.

Ерофеев подошёл к Артёму, встал рядом, прикрывая его плечом, будто всё ещё не верил, что опасность миновала.

— Ну вот, тащ, — тихо сказал он, и в голосе его не было ни радости, ни облегчения — только спокойная усталость. — Держали, как могли. И вроде удержали.

Джастин подошёл последним, тяжело дыша. Он посмотрел на киборга, потом на Алёну, потом на Артёма — и криво усмехнулся, будто сам не верил, что план сработал.

— А я думал, не хватит троса, — хрипло выдохнул он. — Думал, он нас всех одним шагом сметёт.

Алёна наконец-то опустила плечи. Она посмотрела на Артёма, и в её взгляде не было ни упрёка, ни превосходства — только та же усталость, что и у всех.

— Ты жив, — просто сказала она. — Это главное.

Артём хотел что-то ответить. Хотел сказать «спасибо», или «я запомню», или хотя бы «я больше не подведу». Но слова снова не шли. Вместо этого он просто кивнул. И этого оказалось достаточно.

Где-то вдалеке снова свистнула мина, но уже где-то далеко, не здесь. Здесь, в этой узкой траншее, на несколько минут стало тихо.

Пока Артём отсчитывал эти секунды, Ерофеев быстро окинул взглядом траншею: проверил, как бойцы расходятся по местам, как один из них уже тащит раненого к нише, как Алёна, присев на корточки у края провала, осторожно щупает корпус киборга, не касаясь оголённых контактов. Убедившись, что движение пошло, и никто не застыл в ступоре, старшина наконец повернулся к Артёму.

— Смотри сюда, — он провёл пальцем по изломанной линии бруствера, отмечая невидимую границу. — Левый фланг держим до той воронки, видишь? Дальше обзор падает, там можно пропустить. Значит, ставим двоих: один смотрит в сектор, второй страхует. Правый — до поворота, там узкий проход, если кто-то полезет, мы его зажмём.

Артём кивнул, стараясь удержать в голове каждую точку, каждую отметку. Он уже не дрожал, но в груди всё ещё тянуло холодом, будто тело ещё не поверило, что опасность чуть отступила.

И тут Ерофеев краем глаза заметил Алёну. Она замерла над корпусом киборга, пальцы её скользнули по искорёженному металлу, выискивая крепления, разъёмы, любые зацепки, которые могли бы дать хоть крупицу информации. Ткань, в которую она была замотана, сползла, но Алёна не замечала этого: для неё сейчас существовал только враг, даже мёртвый, даже сломанный.

Ерофеев не стал окликать, не стал делать резких движений. Он молча снял свой плащ и шагнул к ней. Не грубо, не демонстративно, а так, как делают, когда хотят просто убрать с дороги то, что мешает. Он накинул плащ ей на плечи, прикрыл, не глядя пристально, будто это самое обычное дело — поправить снаряжение товарищу.

Алёна на миг замерла, будто только сейчас почувствовала ткань на коже. Она не подняла глаз, не сказала ни слова благодарности, только чуть плотнее запахнула плащ, снова сосредоточилась на корпусе киборга и продолжила искать, что можно снять, что может пригодиться.

Ерофеев вернулся к Артёму, будто ничего особенного не произошло.

— Ну, тащ, теперь можно и к постам, — спокойно сказал он. — Ты со мной на левый фланг, там я покажу, где лучше встать. Джастин сам разберётся с правым, он парень хваткий.

Артём снова кивнул, и на этот раз в его кивке было не только старание всё запомнить, но и тихое, почти незаметное облегчение: рядом был тот, кто знает, что делать, и делает это без лишних слов.

Ерофеев, уже развернувшись, чтобы вместе с Артёмом двинуться к левому флангу, вдруг замер на полшага, будто что-то щёлкнуло в голове — не угроза, а простая, упрямая необходимость. Он коротко махнул рукой бойцу, который как раз возвращался от ниши с ранеными.

— Стой. Найди обмундирование для барышни — хоть что-то приличное, не тряпье. И парню дай что потяжелее, чем его пистолет, а лучше покажи где пулемётный расчёт, этот парень я уверен справится. Пусть будет готов держать сектор, если там начнётся шевеление.

Боец кивнул и тут же сорвался в сторону ящиков с припасами, пригнувшись, будто даже эти несколько метров между укрытиями уже считались опасной зоной.

Ерофеев снова шагнул было вперёд, но вдруг остановился, прищурившись в сторону дальнего края траншеи — туда, где дым уже не валил сплошным занавесом, а тянулся редкими полосами, открывая куски серой, выжженной земли. Там, на стыке тени и света, мелькнуло что-то: не фигура, не движение — просто крошечный, неестественно ровный блик, будто металл скользнул по металлу. Маленький, почти незаметный. Но для старшины, который привык ловить такие мелочи, он был громче крика.

Он не стал поднимать тревогу, не стал рывкать. Просто поднял руку, и все, кто ещё суетился, замерли на полудвижении.

— Тихо, — голос Ерофеева стал негромким, но таким, что даже в звоне в ушах его слышали все. — Все, кто может держать позицию — на места. Сейчас. Не суетиться, не мельтешить. Просто быть там, где должны. Готовимся к Атаке.

Артём почувствовал, как холод снова пробежал по спине, но теперь это был не страх, а собранность — как перед ударом. Он сжал автомат чуть крепче, но не вскидывал его, ждал команды.

«Барышня», — пронеслось у Алёны в голове, и она едва заметно поморщилась, будто слово царапнуло, но тут же отогнала эту мысль. Она чуть ослабила плащ, чтобы удобнее было работать, и замерла над корпусом киборга, пальцы так и остались на холодном металле — готовые либо рвануть деталь, либо схватиться за оружие.

Джастин, заметив этот короткий, стальной жест старшины, метнулся к брустверу где была пулемётная точка, присел, выглянул одним глазом, тут же нырнул обратно — и остался там, прижавшись к прикладу пулемёта, проверил ленту, передёрнул затвор и приготовился к любому повороту.

А Ерофеев всё так же не сводил глаз с того маленького, ровного блика вдалеке. Он не кричал «вижу цель», не поднимал тревогу — он просто держал сектор взглядом, как держат прицел: ровно, без суеты, зная, что если там что-то есть, оно себя покажет.

И в этой тишине, когда даже дыхание стало тише, все вдруг поняли: бой не закончился. Он просто сменил темп.

Земля вздрогнула от первых очередей, будто сама пыталась стряхнуть с себя эту войну. Пули забарабанили по брустверу, высекая искры и кроша мерзлую глину; комья земли сыпались вниз, прямо на лица, на плечи, забивались за воротники. В окопе стало тесно от напряжения: каждый инстинктивно вжимался в стенку, но тут же снова тянулся к оружию, потому что лежать и ждать было страшнее, чем подниматься.

— Гранат не ма! — выкрикнул кто-то, лихорадочно шаря по разгрузке. — Я пустой! — И я пустой!

Голоса срывались, но не на панику — на злость. Патроны кончались, а немцы всё шли, будто не замечая потерь, будто их толкала вперёд какая-то упрямая, тупая сила.

Старшина Ерофеев, пригнувшись, пробежал вдоль траншеи, и голос его, негромкий, но стальной, перекрыл даже грохот: — Штыки примкнуть! Ножи, лопаты к бою! Встречаем врага в окопах с русским гостеприимством. Живыми не даваться!

И тут фрицы будто поняли, что оборона уже не огрызается огнём, а готовится к чему-то совсем другому — к чему-то близкому, тяжёлому, беспощадному. Они осмелели. Пошли в полный рост, не прячась, как хозяева, как те, кто уже мысленно занял эту землю.

К окопам приблизились звуки губной гармошки — противный, бодрый мотив, от которого хотелось выть. За ним — хамский ржач, выкрики, насмешки: — Русишь швайне, сдавайся! Мы тебя кормить, шнапс пить, много спать. У нас хорошо!

Кто-то из немцев вторил гармошке, насвистывал. Кто-то пел незатейливую песенку, будто стоял не перед окопом, где каждую секунду кто-то умирал, а на воскресной прогулке.

И вдруг из окопов, как удар, вылетел голос Джастина — громкий, грубый, хриплый, с тем самым ломаным акцентом, который делал каждое слово нарочно корявым и оттого ещё более злым: — Ты думаешь, русский тут спать будет? Ты думаешь, русский тут шнапс ждать будет? Русский тут тебе могилу копать будет — и лопата уже готова!

Он высунулся на полкорпуса, не столько чтобы выстрелить, сколько чтобы его увидели, чтобы услышали:

— Эй, швайне зольдатен! Русский не сдаваться, мы твой швайн голова, твой жопа грязный сувать, немецкий щенок бездомной самки собаки!

— Эй, ты, с дудкой! Брось гармошку, пока пальцы не остались на кнопках! Это не концерт, это похороны!

Потом он резко втянулся обратно, сплюнул, повернулся к Ерофееву, лицо перекошено от ярости, но глаза горят азартом: — Я правильно говорить, большой медведь? — Не совсем, но по сути верно. По-нашему! — Ерофеев коротко, без улыбки, кивнул и показал большой палец. Этого хватило.

В окопах прокатился короткий, злой смех — не от веселья, а от того, что напряжение нашло выход. Бойцы подхватили, начали дразнить, нарочно коверкая слова, передразнивая немецкий акцент: — О, герр, ты устал? Давай, садись, мы тебе штыком стул сделаем! — Не стой, не стой! Беги быстрее, мы тут очередь держим! — У нас тут шведский стол: первое — штыковая, второе — лопатная, третье — каменная!

Смех не был весёлым, он был боевым, как щелчок затвора. Он давал понять: мы здесь, мы не сломаны, и мы будем драться до конца.

Кто-то из самых смелых фрицев уже подобрался к русским окопам и начал спрыгивать вниз. Но тут же его приняли русские штыки. Немцы навалились скопом, как муравьи на сахар, и их встречали всем, что было под рукой: ножами, сапёрными лопатами, ломami, палками, камнями. В ход шло всё, что могло остановить, ударить, сломать.

— Ну что, немец, нравится угощенье? — рявкнул кто-то. — Ну, давай, подходи! — В очередь, сукины дети!

Алёна, до этого возившаяся с корпусом киборга, вдруг резко наклонилась, сорвала с него компактный энергомодуль с остаточным зарядом. Она коротко глянула на Джастина: — Это даст импульс. Соединяем быстро.

Джастин понял без лишних слов. Он помог ей сорвать лишние провода, они наскоро скрутили контакты, изолировав чем попало, и превратили модуль в импровизированный заряд.

Пока они работали, Джастин не удержался и снова рявкнул в сторону наступающих, нарочно громко, издевательски: — Вы думали, у русских только штыки? А у русских даже робот умнее вас! Этот киборг сам вас презирал, а теперь он вам прощальный подарок делает!

Потом, уже тише, почти себе под нос, но так, чтобы слышали свои: — Сейчас будет очень громко. И очень неприятно. Для них.

Немцы за окопами вводили новые резервы, сбившись в небольшие группы, переходили на лёгкий бег, будто хотели дожать, додавить, доломать эту упрямую оборону одним последним рывком.

— Всем лечь в окоп! Голову прижать к земле, закрыть руками глаза, не открывать! — раздался звонкий женский голос.

Это была Алёна. Теперь на ней были не тряпки, а не по размеру галифе и ватник, стянутый армейским ремнём; на голове — большая ушанка, сползшая на глаза; сапоги — на три размера больше. Рядом стоял Джастин, на нём, напротив, всё было маленькое. Времени на примерку не было, да и не до этого.

Она посмотрела на старшину и вопросительно развела руками: мол, командуй, что встал! Джастин тоже сурово смотрел на старшину. — Делай, как она говорит! — сориентировался Ерофеев.

Все залегли. Алёна и Джастин одновременно бросили свои импровизированные заряды в поле за бруствер — так далеко, насколько позволили силы. И тут же упали на землю. За ними залегли все в окопах, выполнив инструкции Алёны.

Раздался невероятной силы взрыв, его подхватил второй. Над бруствером взметнулся столб земли, снега, камней и веток. Ударная волна прокатилась над окопами, воздух стал плотным и горячим. Над полем боя поднялся густой дым, смешанный с пылью.

Взрыв смел передние ряды немцев, раскидав людей и комья земли. Те, кто уцелел, на секунду потеряли строй — и этого хватило, чтобы русские поднялись из окопов.

Немцы, которые прорвались в окопы и выжили после взрыва, встретили штыки. Пленных никто не брал: бой шёл на выживание, и каждый удар был рассчитан на то, чтобы остаться на ногах.

Когда дым немного осел, Ерофеев коротко посмотрел на Алёну и кивнул: — Это из него? Она коротко кивнула в ответ, тяжело дыша, и просто сказала: — Он ещё мог пригодиться. Теперь пригодился.

А Джастин, уже держа в руках сапёрную лопату как оружие, сплюнул и крикнул в сторону рассеивающегося дыма: — Эй, там! Если кто живой остался — не обижайся! Русский робот сказал «до свидания» громче, чем вы все вместе взятые! А русский солдат скажет «прощай» ещё громче!